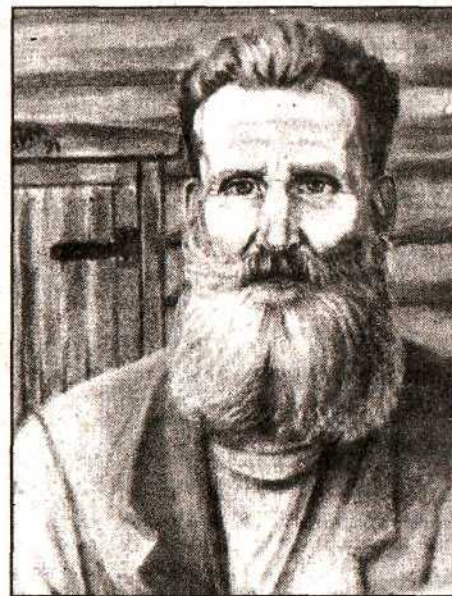

Ветшает домик во дворе

Любишь Родину, когда знаешь ее историю. Гордость за свое Отечество воспитывается с детства и ранней молодости. Бесмысленно спрашивать у пожилого человека о каких-то вещах, о которых он в свое время ничего не знал. Когда теряется преемственность поколений, теряется и гордость за страну, любовь к ней. Об этом чувстве необходимо неустанно заботиться, не от праздника к празднику, а в повседневной, обыденной жизни.

Так, на мой взгляд, получилось с домом Губкиных в Кемерове, о котором вспоминают по круглым датам города. Дом этот по улице Кирова (во дворе дома № 16) — самое старое здание, ему 150 лет. В нем жили достойные люди, матери, отцы. Женщины рожали в этой семье по 20 детей. Из этого рода вышел Герой Социалистического Труда Алексей Исаевич Губкин.

В условиях современной застройки дом не вписывается в свое окружение и теперь уже «мешает» архитектуре города. А ведь 100 лет назад он красовался на просторе с видом на Томь. Смотрелся как добротный сибирский дом. А теперь выглядит, как почерневший от времени амбар. Мне думается, он достоин того, чтобы остаться в качестве исторического памятника.

...Я каждый раз с замиранием сердца прохожу мимо, как будто кто-то из бывших его обитателей смотрит из окна. Ведь дочери последнего хозяина дома, Павла Исаевича Губкина, Галина и Валентина — мои тети. Знаю много

лет и других Губкиных. Люди они самобытные. В их облике, манерах, обиходе, разговорах не выродились особая стать, степенность, патриархальный порядок в доме, старинные обороты речи.

Помню, как была в гостях у старшей дочери Павла Исаевича Валентины Павловны. Было ей в то время 69 лет. Прежняя тетя Валя напоминала кустодиевскую красавицу на картине «Купчиха за чаем». Такая же была пышнотелая, наполненная сочными, яркими красками, с прической из пышных волос цвета красного дерева. Эти волосы без седины были у нее до последнего дня. В квартире у Валентины Павловны чисто, прохладно и уютно. На стенах — ручные вышивки под стеклом. Старинная швейная машинка не стояла без дела, хозяйка — рукодельница. Вспоминали...

— Тятя (отец) дом пригласил по Томи в Щегловск из Салтымакова, где жили раньше и где я родилась, — рассказывала Валентина Павловна. — Дом этот был подарком от богатого родствен-

ника, дяди-купца, молодой семье Павла Губкина на обзаведенье. Жили не бедно, в достатке.

Губкины пустили в Сибирь крепкие корни. Отец Павла Исаевича — Исай Григорьевич имел шесть сыновей. Жили на Черном этапе, до сих пор место зовется Исаевой заимкой, люди помнят. Занимались сплавом леса по Томи. Павел Исаевич большие подряды выполнял. Знал свое дело. Бывало, осматривая лесную делянку, сразу мог сказать: сколько кубов полезной древесины можно с нее взять. Был от природы наделен талантом предпринимателя: умел выгодно продать, но и духом не падал, когда его обманывали. Знал, что зарабатывает еще. Надевался всегда только на себя, свою силу и знания. Старый плотогон, всю Томь изучил, знал все мели и опасные места. В тайге чувствовал себя хозяином. Любил тайгу и детям любовь к природе и труду передавал.

— Приедем, бывало, на делянку, где лес заготавливаем, — вспоминала Валентина Павловна,

— за час заимку построим из вершинника и веток. Щели мхом проконопатим. Отец с братьями собьют стол, топчаны. Братьев у меня шестеро — Дмитрий, Иван, Василий, Александр, Виктор, Юрий, — с гордостью перечисляет Губкина всех Павловичей.

— С собой возили печку железную. Я, старшая, еду стряпаю, сестра Галина помогает: воду носит, дрова рубит. Днем мужчины работают, я на лошади еду в поселок, километров за двенадцать, тайгою, за продуктами: муки, хлеба привезти. А лес кругом непроходимый, стеной стоит. Трава — в рост человека. Мошка, комары, оводы коня донимают. А, бывало, что и рысь с дереву желтыми глазами сверкает... То-то страху натерпишься!

Приходилось и мужскую работу выполнять — валить лесины. Стукнешь топором по строевой сосне и слушаешь по звону: годится для сплава или нет. С сестренкой ручной пилой пилили лесину.

И сучья приходилось топором со ствола убирать — тоже большое умение требуется. А то, неровен час, и ногу порубишь, как топор соскочит!

А в часы отдыха играла гармонь и пели песни. Они неслись над Томью — то разудалые, то пронзительно-грустные, как сама русская душа.

Мы еще долго вспоминали, возвращаясь к прошлому, к живым и ушедшим из этой жизни. И было тепло и спокойно на душе.

...Ветшает старинный дом. Но продолжают жить на Кузнецкой земле красивые, крепкие, трудолюбивые Губкины. Они не Иваны без родства. Они помнят и чтут свой род. Эти люди — истинные сибиряки. И таких у нас немало.

Ирина ТРУБЕНКОВА.

На снимках: дом Губкиных в Кемерове; портрет П. И. Губкина работы художника Ивана Рудова.